

■ Пролог

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Сокольники». Уважаемые пассажиры, при выходе из поезда не забывайте свои вещи», — привычно раздалось из громкоговорителя вагона метро.

От этого стандартного сообщения все внутри нее сжалось в комок. За доли секунды она ощутила, как по спине побежали мурашки, а вмиг заледеневшие ладони сильно вспотели. Но это было только начало. Следом закружилась голова, сердце застучало в бешеном ритме, а глаза начала застилать мутная пелена. Окружающий мир быстро терял свои очертания. Замерцав тысячами крохотных белесых точек, он превратился в одно большое световое пятно и перестал напоминать привычную картинку повседневной реальности.

Но, к ее величайшему ужасу, на этом не закончилось. Внезапно заложило уши. Войдя в резонанс с несущимся в туннеле поездом, в глубине слуховых проходов появился нарастающий гул, который, едва достигнув пика, исчез, как по щелчку, оставив после себя гнетущее давление на барабанные перепонки. Казалось, что звуки потеряли привычное звучание. Они неестественно сгладились, потеряли объем. Со-

здавалось впечатление, будто невидимый проказник вставил ей в уши мягкие беруши. Что это за приспособление, она отлично знала. Как-то в детстве она их нашла в прикроватной тумбочке бабушки, в свое время работавшей на ткацкой фабрике.

При воспоминании о детстве во рту мгновенно пересохло. И эта сухость напугала ничуть не меньше, чем изменения, произошедшие с организмом ранее. Тщетные попытки сглотнуть ни к чему не приводили — слюна попросту исчезла, словно ее никогда и не было во рту, а язык, казалось, намертво прилип к нёбу.

Все эти странные ощущения придали иррациональному страху совершенно новый оттенок. «Я становлюсь похожа на выжженную пустыню», — именно такая ассоциация показалась ей сейчас наиболее точной.

Однако уже в следующее мгновение восприятие мира вновь изменилось. В нос разом ударили десятки, сотни... нет, неверно — тысячи разнообразных запахов! Это было так невероятно и удивительно, что она на миг забыла о страхе. Даже больше, она этому... обрадовалась. Несчастная знала, что в такие минуты, когда все вокруг меняется до неузнаваемости, только запахи остаются неизменны. Разве что ощущаются они в разы сильнее, чем обычно. В голове молодой женщины проскользнула шальная мысль, что она отлично понимает охотничьих собак. Едва почуяв след зверя и даже не видя добычу, они уверенно преследуют его, несясь сквозь лесные заросли. Действительно, в этот миг панического безотчетного ужаса другая часть ее сознания бесстрастно констатировала, что запах — один

только запах! — способен создавать в воображении поистине фантастические картины.

Но только не этот запах. Только не он!

Она вновь ощутила его. Этот запах нес в себе нечто иное, настолько зловещее и пугающее, что, казалось, мог легко довести ее до безумия одним лишь напоминанием о своем обладателе. Жуткий флёр, сотканный из тошнотворных миазмов, стал незримым мостиком, вопреки воле соединившим ее с этим чудовищем.

Это был запах маньяка. И не просто маньяка, а психически больного человека, одержимого непреклонным намерением подчинить себе ее волю. И вместе с тем он был неизбежен, неотвратим, как... сама смерть.

Это был запах ее преследователя — дьявола в человеческом обличье по имени Александр.

В течение нескольких последних недель кошмар в метро повторялся раз за разом, как только она подъезжала к станции «Сокольники», расположенной на красной линии Московского метрополитена. Ее вновь и вновь накрывала с головой жутчайшая паническая атака, которая не отпускала до тех пор, пока она не оказывалась в своей комнате в гостинице-общежитии.

Сейчас она знала твердо лишь одно: ей требуется собрать в кулак все мужество, всю волю, и, пересилив себя, встать и выйти из вагона. А затем, поднявшись наверх, пересечь Сокольническую площадь и как можно скорее попасть на автобусную остановку. Но это еще не все. Проехав с десятков остановок, она должна выйти около шестнадцатизэтажной «свечки» гостиницы-общежития, располагающейся

на границе лесопарковой зоны Сокольнического парка, и как можно скорее — да хоть бегом! — попасть внутрь здания. Все. После этого можно будет наконец спокойно выдохнуть и позволить себе немного расслабиться.

Но, как всегда, именно последний отрезок пути давался ей труднее всего. Он был поистине самым страшным испытанием за весь дневной маршрут. Она безумно его боялась, поэтому лишь от одной мысли, что ей сейчас предстоит совершить, молодую женщину бросало в дрожь.

«Нет, только не он! Господи, только не этот запах! Откуда он здесь взялся?!» — запаниковала она.

Среди многообразия запахов, витавших в воздухе подземки, по какой-то неведомой причине именно его она ощущала сильнее всего. Это была смесь чесночного перегара, едва различимого, но едкого запаха гари, кисловато-сладкого до приторности запаха мужского пота и столь неподходящей для такой компании изысканно-дорогой вуали брендовой парфюмерии. И вот это неудобоваримое мерзкое амбре буквально мгновение назад вновь появилось в воздухе вагона. Ей казалось, что еще секунда, и оно заполнит собой каждую клеточку ее молодого тела, а затем проникнет в душу и навсегда там останется, заставляя чернеть от ужаса, который пришлось недавно пережить.

Она не желала этого помнить. Не же-ла-ла!

«Нет, только не это! Я не выдержу! Как он мог здесь очутиться, в том же самом вагоне, что и я? Как ему вообще удалось найти меня в метро?! Это просто невероятно!» — Вопросы, не находящие ответов,

вытесняли из сознания последние отголоски критического мышления.

Метро... А ведь еще недавно этот город под землей казался ей крепостью, защитой, надеждой. Только здесь, в подземке, она по-настоящему чувствовала себя в безопасности. Вокруг сновали люди — толпы, миллионы людей. Незнакомые, отстраненные и находящиеся в своих мирках, но такие понятные, абсолютно реальные люди со своими радостями и проблемами. В конце концов, есть еще сотрудники метрополитена, милиция. А там, наверху... Нет, не следует об этом даже думать!

Едва живая от страха пассажирка московского метро принялась нервно крутить головой. «Где же он? Где он притаился? Почему я его не вижу?» — металась молодая женщина, совершенно не зная, что предпринять дальше.

Очень скоро она поняла, что больше не выматривает преследователя. Теперь она скорее вынюхивает его, точь-в-точь как служебная собака. На зрение она больше не надеялась. Сфокусировать должным образом близорукий взгляд у нее не получалось, а носить очки с большими диоптриями незамужняя девушка стеснялась, перестав ими пользоваться еще с институтской поры. Но самое главное, ее зрительная память...

Впрочем, сейчас это не так уж и важно.

Сколько подобное «вынюхивание» продолжалось бы, сказать трудно. Вскоре в окна вагона замелькали фонари, а следом показались такие знакомые ей кафельные стены станции «Сокольники». Электропоезд стал притормаживать и, проскользнув вдоль

перрона, остановился. Пассажиры вышли из спячки и дружной толпой двинулись к выходу.

И тут она ощутила, как незримая воздушная стена так пугающего ее мужского запаха начала медленно приближаться к ней.

Ближе... еще ближе... Сейчас она его увидит!

«Где же, где же он? Почему я его не вижу?!» Она притихла и как будто приклеилась к сиденью. «Это же моя станция! Мне надо выходить! Что же делать?.. Нет, я никуда не пойду, я останусь в вагоне! Здесь он точно не посмеет меня тронуть!» Она спрятала лицо в ладони и склонила голову, по-детски вжав ее в плечи. Однако этого ей показалось мало, и тогда, ссутулившись, она опустила голову практически к коленям, зажмурила глаза и, едва дыша, стала мысленно готовиться к худшему.

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Преображенская площадь», — оповестил бесстрастный электронный голос. Двери вагона захлопнулись, и поезд двинулся дальше.

— Девушка, с вами все в порядке? — Сердобольная старушка слегка потербила ее по плечу.

Молодая женщина открыла глаза и испуганно подняла голову.

— Я не знаю, — честно призналась она и сразу же начала озираться по сторонам.

Запаха, так напугавшего ее, в вагоне больше не было. Как не было и самого незримого преследователя. «Придется добираться до дома другой дорогой...» — рассудила она, и эта мысль ее успокоила.

■ Глава 1

*Три месяца назад,
26 января 2005 года.*

«Станция «Сокольники». Уважаемые пассажиры, при выходе из поезда не забывайте свои вещи».

Юля Петрова, молодой врач-терапевт из Орла, вышла на перрон и, с любопытством оглядевшись по сторонам, уверенно направилась в сторону таблички с надписью «Выход в город». Одной рукой она катила небольшой темно-красный клетчатый чемодан, а другой — сжимала листок с нарисованным планом-схемой проезда до гостиницы-общежития для врачей, слушателей курсов переподготовки. Туда ей, собственно, и требовалось попасть.

В ушах молодой женщины виднелись наушники-капельки фирмы «Sony», в которых звучала ее любимая музыкальная композиция в исполнении Джоан Осборн. Этот саундтрек из нашумевшего американского фильма «Ванильное небо» она была готова переслушивать бесконечное количество раз.

What if God was one of us?

Что, если бы Бог был одним из нас?

Just a slob like one of us?

Таким же лентяем, как мы?

Just a stranger on the bus
Незнакомцем в автобусе,
Trying to make his way home?
Едущим домой?
Like a holy rolling stone
Как святой кочевник,
Back up to heaven all alone.
Возвращается на небеса в полном одиночестве.

Юля бодро шагала вперед, и ей казалось, что весь мир распахнул свои объятия навстречу ей. Да и о чем, собственно, можно думать в двадцать пять лет? Институт и интернатура позади, ты — самостоятельный доктор, пусть и с маленьким, но практическим опытом. Но самое главное — ты молода, свободна и полна сил. Да что там сил — ты готова одним взглядом сдвигать горы и влюблять в себя всех мужчин на свете! Пусть только попробуют пройти мимо! Э-ге-ге, Москва, привет! Столица, встречай меня! Вуху-у! Я иду тебя покорять!

— Вах, красавица, стой! Не проходи мимо! Такой шаурмы ты не попробуешь больше нигде, кроме как в моей палатке! Мамой клянусь! — раздалось откуда-то сбоку, едва она вышла из подземки. — Вах, какой волшебный цвет волос! Женюсь! Точно говорю, женюсь!

Она повернула голову на голос и с удивлением посмотрела на забавного уличного продавца шаурмы. Тот, высунувшись чуть ли не наполовину из окошка торгового киоска, продолжал восхищенно цокать языком. Это был седоватый армянин чуть за пятьдесят с хитрющими темно-кариыми глазами и большим, немного горбатым носом. Цокая языком и причмокивая губами, он посылал ей воздушные поцелуи, при этом то и дело поправляя бесфор-

менный белый колпак, так и норовивший свалиться с его качающейся головы.

— Это вы мне? — улыбнулась Юля и непроизвольно поправила рукой свои выглядывающие из-под шапочки непослушные медно-красные волосы.

Внезапно она поняла, что дико проголодалась. Ароматы, исходящие от крутящегося на электрическом гриле мяса, в этот морозный день показались ей особенно волшебными. Не удержавшись, она подошла поближе и шутливо поинтересовалась:

— Ну и с чем здесь у вас шаурма? Свинина или?..

Договорить она не успела, поскольку хозяин сделал озабоченное лицо и со всей серьезностью заявил:

— Вах, обижаешь, красавица! Неужто ты думаешь, что Жорик Сарсян чем попало торговать будет? Смотри! — Он ткнул коротким толстым пальцем в какой-то бланк, приклеенный скотчем к углу витрины. — Видишь, написано: «ИП Сарсян Г.А.»? Это я и есть! Так что не бойся, покупай шаурму — пальчики оближешь! Один раз попробуешь и будешь всегда только у меня покупать! Фирма!

Он смешно расширил свои и без того чуть навывкате глаза. Причем, видимо, перестарался, отчего его брови полезли на лоб в буквальном смысле.

Не выдержав кавказского очарования, Юля опять улыбнулась, теперь уже более открыто и дружелюбно. Этот человек ей определенно чем-то нравился.

— Хорошо, уважаемый, уговорили. Давайте вашу фирменную. А заодно подскажите, где тут останавливается семьдесят пятый автобус?

— Да тут совсем рядом, — уже занявшись приготовлением мясной завертушки, ответил Сарсян. — Нужно пройти через Сокольническую площадь ми-

мо Воскресенского храма до самого конца, а потом свернуть направо.

Как заправский фокусник, отточенными до автоматизма движениями рук он стал отсекал от крутящегося гриля тонкие пласты прожаренного мяса. И как только они оказались на подносе, в мгновение ока практически невидимыми для глаз молниеносными движениями ножей он виртуозно превратил их в аппетитное крошево, при этом напевая и добавляя в песню какие-то незнакомые Юле слова на армянском языке. И хотя значения этих слов она не понимала, вкупе с лихой сноровкой в приготовлении аппетитного блюда они показались ей органичными и естественными.

Завершив приготовление начинки, несколькими ловкими движениями Сарсян завернул все в большой лаваш, обернул его пищевой бумагой и вместе с салфеткой галантно протянул из окошка.

— Ну-ка, красавица, держи чудо-шаурму! Эх, сам бы сейчас съел, да нельзя! Жена говорит: «Ты свое уже в молодости съел! Вон, какой живот — скоро в дверь не пройдешь!» Да и дух чесночный, говорит, потом из квартиры ничем не выгонишь. Вах, ну что за женщина?! А я ведь, красавица, знаешь, люблю в шаурму еще кинзы и обязательно чесночка добавить. Вах! — Он опять причмокнул. — Божественный вкус получается! Правду тебе говорю! Слушай, а может, тебе еще чесночную шаурму сделать? Это моя фирменная!..

— Нет-нет, спасибо. Я чеснок не особо люблю, — быстро перебила его вежливым отказом Юля, которая чеснок терпеть не могла из-за его специфического запаха, остающегося во рту после еды.

Расплатившись со словоохотливым продавцом и с упоением поглощая на ходу свой первый московский обед, она неторопливо двинулась через Сокольническую площадь.

Через полчаса Петрова добралась до своей конечной цели. Здание гостиницы-общежития оказалось старым советским архитектурным проектом еще, наверное, начала семидесятых годов, но располагалось в очень уютном месте. Жилая застройка поблизости отсутствовала, лишь чуть поодаль виднелась крыша какого-то административного здания. Зато, насколько хватало глаз, во все стороны простиралась обширная лесопарковая зона. И пускай на дворе стояла глубокая зима и все было укрыто сугробами, в ярком свете январского солнца это белое искрящееся великолепие показалось ей ослепительно-прекрасным.

«What if God was one of us?» — не заметив, начала она непроизвольно напевать вслух. Оставив на пустынной автобусной остановке свой дорожный чемодан, она подняла вверх руки и дважды прокружилась на расчищенной асфальтовой дорожке. Затем еще раз, еще... Этот внутренний позитив и тихая радость новизны не отпускали ее сегодня с самого утра. Точнее, с того момента, как она ступила в салон вагона скоростной электрички с конечной остановкой на Курском вокзале Города-героя Москвы.

Продолжая тихонько напевать, Юлия добралась до дверей гостиницы-общежития, прошла в небольшой холл и с деловым видом направилась к стойке дежурного администратора. Блондинистая тетушка

в белой блузке и очках «под золото», словно приклеенных к кончику носа, строго взглянув на очередную постоялицу через стеклянный экран администраторской стойки, безапелляционно изрекла:

— Девушка, сразу хочу вас предупредить, что в нашей гостинице строгие правила.

Видимо, это было ее традиционное приветствие вместо невнятного и давно набившего оскомину «Здравствуйте, чем я могу вам помочь?»

— Учтите, в двадцать три ноль-ноль дежурный администратор закрывает входную дверь на ключ и до шести утра никого не пропускает. Надеюсь, вам это ясно? — Как заправский психолог, она пытливо взглянула на Петрову, словно пыталась считать реакцию с лица молодой женщины на свое громогласное заявление. — Так что, если будете опаздывать — пеняйте на себя, ночевать придется на улице. И никакие просьбы, никакие уговоры и все такое прочее вам не помогут. Правила проживания в нашей гостинице-общежитии едины для всех.

— Конечно, мне все понятно, — миролюбиво согласилась Юля, послушно кивая.

Она отлично знала людей подобного типа, как эта сварливая администраторша. В беседе с такими личностями главное — не спорить и во всем соглашаться. Побурчав минуту-другую и подчеркнув этим важность собственной персоны, они, как правило, успокаиваются и превращаются в обычных людей, с которыми вполне можно вести конструктивный диалог.

Так в итоге и получилось. И спустя двадцать минут Петрова уже стучала в дверь комнаты-«двушки» на пятом этаже, что само по себе было отличным исхо-

дом, поскольку свободных номеров в наличии оказалось крайне мало, да и все они располагались исключительно на последнем этаже. Учебный сезон давал о себе знать, а снимать жилье, а уж тем более селиться в столичных гостиницах для начинающего терапевта с периферии — непозволительная роскошь.

Соседкой по комнате оказалась миловидная женщина немного за пятьдесят, доктор психиатр из Самары, которая так же, как и она, приехала на учебу. Правда, в отличие от Юли она получала сертификат по другой причине. Как частнопрактикующему доктору ей требовалось раз в пять лет проходить полный цикл переподготовки.

— Мария Сергеевна Зорко, врач психиатр-нарколог, психотерапевт, — представилась женщина.

— Юлия Петрова, терапевт. Вот, приехала на «первичку» по гастроэнтерологии, хочу стать узким специалистом.

— Вот и отлично! Надеюсь, за ближайшие месяцы мы не успеем друг другу надоесть, — пошутила соседка. — Кстати, Юль, а как вы относитесь к выставкам, музеям, театрам?

— Положительно, — твердо заявила Петрова, радуясь тому, что теперь ей будет с кем прогуляться по столице. — Хочу за время учебы побывать везде. Я же в Москве только в раннем детстве была, поэтому один лишь зоопарк и запомнила. Да и то из-за мороженого — очень уж оно там вкусное было...

— Что ж, это просто замечательно. Надеюсь, мы с вами с пользой проведем время. Располагайтесь, Юленька, не буду вам мешать.

На этом их первое знакомство было завершено.

■ Глава 2

Конец октября 2004 года.

Высокий брюнет с длинными волосами, стянутыми на затылке резинкой «под колючую проволоку» и ковбойской повязкой на лице нехотя сунул руку в карман своей яркой «дутой» куртки. Достав пачку «Camel» без фильтра, он сдвинул повязку в сторону и небрежно сунул сигарету в рот. Гоняя языком по рту табачные крошки, мужчина сладко улыбался в предвкушении предстоящего удовольствия.

Нет, дело было не в банальном сигаретном дыме, который с огромным наслаждением он глотал раз по сорок в день. Причина была иного рода. Впереди его ожидало развлечение куда круче пагубной, как уверяли его лечащие врачи, привычки. Впереди его ждал... секс. Нет, совершенно не тот, какой может представить себе среднестатистический гражданин. Увы, какой бы бурной ни была ограниченная моральными принципами человеческая фантазия, вряд ли кто-нибудь может догадаться, о чем именно идет речь. Хотя, конечно, секс в традиционном понимании этого понятия, несомненно, присутствовал в жизни молодого человека, куда же без этого. Физиология тридцатилетнего мужчины требовала свое, и поэтому удовлетворял он свои половые потребности регулярно. Только настоящим сексом он это не считал, называя сие скучное действо «унылым призывом природы к размножению». Истинное удовольствие он мог получить лишь тогда, когда был на взводе. Что значит «быть на взводе», брюнет и сам до конца не понимал. Зато пре-

красно ощущал это волшебное состояние, шепчущее из глубин подсознания настойчивым зовом: «Пока ты молод — бери от жизни все». И он брал. Выжимал из жизни все соки, поскольку до безумства любил это особенное состояние, когда каждая клеточка буквально кипела от дичайшего возбуждения, выпуская в пространство миллиарды невидимых флюидов. Как безапелляционно заявлял он своим приятелям, его любовные флюиды всегда оказывали безупречное воздействие на противоположный пол, осечек не бывало никогда.

В гендерных предпочтениях он был вполне традиционен: ему нравились молодые грудастые девушки. Особенно его привлекали красотки с огненно-рыжим или медным отливом волос. Впрочем, брюнетки и блондинки также были не редкостью в весьма специфической коллекции его плотских утех.

Но больше всего его заводил не цвет волос и не внешность. Главным критерием своих сексуальных фантазий он считал специфический образ женщины, созданный его воображением. Его возбуждали мысли о том, что с ней станет, если она посмеет ослушаться его. Именно подавление воли посредством грубого насилия привлекало его больше всего, доставляя ни с чем не сравнимое удовольствие. От одной только мысли о тех увечьях, которые он мог в любой момент нанести, садиста начинал бить неконтролируемый озноб возбуждения.

Молодой человек добыл из кармана зажигалку в виде человеческого черепа и неторопливо прикурил сигарету. Но не успел он сделать и пары затяжек, как за спиной громко хлопнула дверь развле-

кательного заведения и женский голос позвал его по имени.

Сегодня в московском ночном клубе «Миранда» была «технопятница» — рейв-вечеринка, которую раскачивали два крутейших столичных диджея. Этих самовлюбленных попугаев он лично не знал, но был неплохо знаком с их постоянными сменщиками. Те точно были парни что надо, жгли всегда по-взрослому. К тому же он частенько их встречал и в других столичных клубешниках. Однако, следует отдать должное, «Миранда» была для него особым местом.

Долговязый брюнет невольно улыбнулся, вспомнив одно из выступлений диджеев месяц назад. Да, славно он тогда повеселился. Чего только stole трофей, который он увел из клуба под утро. Начинаящая амфетаминщица Алена развлекла его по полной программе. Жаль только одно: едва ее отпустило, как из послушной зайки она превратилась в яростную тигрицу. «А вот этого делать было не нужно, — подумал он. — Зря она так. Не повезло бедняжке. А как хорошо все начиналось! С виду была прямо настоящая Аленка с шоколадной обертки. Шоколадная Аленка...» От нахлынувших воспоминаний он мечтательно вздохнул.

— Александр, я готова! Какой у нас следующий номер в программе? — с капризными нотками в голосе послышалось у него за спиной.

Крашенная в розовый цвет девушка лет двадцати пяти снизу вверх вопросительно взглянула на курящего мужчину. В ярко-желтых джоггерах, лонгсливе кислотного цвета и наброшенной на плечи шубе-бомбере аквамаринового оттенка она выглядела ярко и вызывающе, как того и требует рейв.